

ФЕЙРИВЕЙ

АСТРИД

Лес за пределами дворца Фейрвезер¹ никогда еще не выглядел таким зловещим. Чем глубже я захожу, тем сильнее сгущается темнота вокруг, а единственным путеводителем мне служит луч лунного света. Ветви, словно когтистые лапы, тянутся ко мне, царапают щеки, цепляются за выбившиеся пряди волос. Я игнорирую их, сосредоточив все свое внимание на следующем шаге. Стараюсь идти быстрее, отчего мое дыхание становится затрудненным. Я приподнимаю подол платья и нижние юбки, чтобы те не цеплялись за подлесок. Под изодранными в клочья шелковыми чулками мои ноги горят от усталости. Мышцы умоляют меня остановиться.

Но я не могу. Еще нет. Пока не окажусь достаточно далеко от дворца.

¹ Дворец ясной погоды

Ты должна бежать, Астрид. Другого выхода у тебя нет.

Слова Мэрибет эхом отдаются в моей памяти, заставляя ноги двигаться быстрее. И еще быстрее. Как бы сильно мое сердце ни жаждало вернуться, чтобы увидеть похороны отца, моя горничная права. Она знает, кто я. Знает, что с моей магией я никогда не смогу завоевать доверие людей. Тем более когда речь идет об убийстве.

Королева не станет устраивать суд. Она убьет тебя собственными руками. Ты должна бежать, Астрид.

Каждое слово Мэрибет было правдой.

Меня и мою мачеху — зримую правительницу Весеннего королевства — разделяли почти три года ненависти и зависти. Так что я уверена — она ни за что не поверит в мою невиновность. Мне повезло, что она не убила меня в тот момент, когда обнаружила рядом с телом отца.

Телом, которое с каждой минутой становится все холоднее.

Телом, с которым у меня никогда не будет шанса попрощаться.

Мысль об этом почти заставляет меня развернуться, но я напоминаю себе об ужасающей ярости королевы, о том, как скривились ее губы, прежде чем она заявила: «Это твоих рук дело».

Словно я убила ее мужа. Моего отца. Самого близкого мне человека.

После этого мачеха приказала своим охранникам оттащить меня от трупа отца и увести в мою спальню. Хотя, судя по угрозе, таившейся в ее же-

сте, она вполне могла иметь в виду темницу. Тогда я поняла, что по сравнению с обвинениями королевы Трис моя невиновность не имеет никакого значения. Заперев меня в комнате, она только выжидала удобного момента. Изображала из себя справедливую правительницу, собирающую доказательства, прежде чем осудить меня за преступление, в котором, по ее мнению, я виновна. Не проберись Мэрибет в мою комнату через служебный вход и не уведи меня, я была бы уже мертва.

Как мой отец...

Я пытаюсь подавить в себе желание зарыдать, которое уже подступает к горлу. Оно обжигает мои легкие, словно пламя. Лучше не плакать. Не позволять пролиться и слезинке. Потому что я и так с трудом могу разобрать, куда иду.

В попытках успокоиться я задираю подол юбки еще выше и бегу быстрее.

Перед моим внутренним взором встает лицо отца. Улыбка, на секунду растянувшаяся на его губах, прежде чем он, схватившись за горло, пошатываясь, отошел от обеденного стола.

Крик срывается с моих губ. Я качаю головой, но на место прежнего видения приходит образ отца, неподвижно лежащего на полу. Черные вены тянутся по его коже от губ к ушам и вниз, по шее...

Мое сердце сжимается, отчего я начинаю рыдать. Мои колени подгибаются, и я едва удерживаюсь на ногах. Ухватившись за ближайшее дерево, глубоко дышу в попытке подавить подступаю-

щие порывы истерики. Я крепко зажмуриваюсь, но лицо моего отца не исчезает. От стоны у меня вздымается грудь, и я открываю глаза.

Первое, что я вижу, — кто-то высокий и стройный пристально смотрит на меня. Я едва не падаю в обморок, с ужасом полагая, что королева Трис пришла за мной. Я вижу ее гибкую фигуру, ее коричневую, похожую на кору кожу, украшенную завитками, ее увенчанную ежевикой голову с цветами вишни вместо волос.

Я моргаю несколько раз, пока мое зрение не проясняется. Передо мной стоит не Трис, а вишневое дерево, такое же, как и все остальные в Весеннем королевстве. Его кору и покрытые цветами ветви освещает бледный свет луны.

Я с облегчением вздыхаю. Во время минутной паники мои рыдания затихли, уступив место логике. Не время горевать. Мне не удастся уйти далеко от дворца с печалью, что тянет назад.

С еще одним тяжелым вздохом я запускаю руку в карман своего шерстяного пальто и достаю пузырек. Дрожащими пальцами поворачиваю колпачок и вынимаю из рубиновой жидкости пипетку. Откидывая голову назад, я высовываю язык. Одна капля. Две.

Как только я закрываю пузырек, приходит спокойствие. Оно распространяется от моей груди к голове, затем вниз, к пальцам ног. Я погружаюсь в легкую эйфорию, которая, как я знаю, скоро пройдет. Она всегда проходит.

— Яд, — слышится слева от меня неземной, леденящий душу голос.

Я едва не роняю пузырек, но крепко сжимаю его в руке и, засунув в карман, поворачиваюсь к говорящему.

Огромное существо мужского пола, похожее на лошадь, выходит из тени между деревьями. Его черная грива будто бы колышется на ветру, которого я почему-то не чувствую. Я не рискую смотреть незнакомцу в глаза, но они светятся достаточно ярко, чтобы я смогла разглядеть их красный оттенок. От размера его массивных копыт у меня по спине пробегает дрожь.

— Келпи¹, — говорю я себе под нос, отступая назад. Единственное, что не позволяет страху взять надо мной верх, — настойка, согревающая мою кровь и успокаивающая нервы. Даже рядом с обычными лошадьми меня охватывает приступ нерациональной паники, а келпи боится каждая живая душа. Пусть за последние несколько лет им и удалось улучшить свою некогда ужасающую репутацию, это еще не значит, что именно этот келпи безобиден. Несмотря на то что Фейривэй — остров, где люди и фейри живут в единстве, мерзких существ здесь так же много, как и плохих людей. Законы, принятые королевской семьей и запрещающие обман со злым умыслом и применением магии, могут зайти далеко.

— Пурпурный малус, — произносит в ответ келпи. — Я чувствую его запах.

¹ Келпи — в шотландской низшей мифологии водяной дух, обитающий во многих реках и озерах. Келпи большей частью враждебны людям. Являются в облике пасущегося у воды коня, подставляющего путнику свою спину и затем увлекающего его в воду.

Его губы не шевелятся, а голос исходит откуда-то изнутри. Некоторые фейри способны общаться, не используя голосовые связки или рот. Келпи приближается, побуждая меня сделать еще два шага назад. Мое сердце колотится от близости его огромных копыт. — Должно быть, ты не человек, раз можешь принять этот яд и остаться в живых.

Он прав. Я человек только наполовину, но предпочитаю об этом не говорить.

— Скорее всего, ты заблудилась, — продолжает он с фальшивым сочувствием в голосе. — Подойди. Я отведу тебя куда захочешь.

Этой фразы достаточно, чтобы я убедилась: этот келпи замыслил что-то недоброе.

— Я знаю, что ты хочешь сделать, — говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно. — Ты планируешь взвалить меня на спину, обернуть своей гривой мои запястья и утопить меня в ближайшем водоеме. Разве я ошибаюсь?

Келпи издает что-то похожее на смешок.

Мне остается только одно.

Сделав глубокий вдох, я пытаюсь избавиться от охватившего меня ужаса, скручивающего мой желудок узлом, и отдаюсь воздействию настойки, которая способна расслабить меня. Я стараюсь думать только о приятном. Мягкий текстиль. Детеныши животных. Блеск утренней росы на ярко-зеленой траве. Как только мои эмоции приходят в норму, я встречаюсь с келпи взглядом. Моя вездесущая магия с низким гулом вырывается наружу, окутывая меня невидимым саваном. Обычно я считаю магию проклятием моего существова-

ния, но прямо сейчас она — единственное оружие, что у меня есть.

Келпи напрягается.

Наступает моя очередь подойти ближе.

— Откуда ты знаешь, что я не сделаю то же самое с тобой? Уверен, что я не келпи? Возможно, мне хочется, чтобы ты затащил меня в озеро. Потому что тогда я сделаю с тобой то, что первоначально ты сам планировал сделать со мной.

Несколько секунд существо, ничего не произнося, оценивающе смотрит на меня. Когда он отвечает, в тоне его слышится любопытство.

— А мы ведь похожи, верно? Ты бесстрашная. Опасная.

— Так и есть.

Я нагло лгу, но это не имеет значения. Когда люди смотрят на меня через призму моей магии, они видят только себя самих. Поэтому на мои дрожащие плечи и подкашивающиеся ноги не обращают внимания. Келпи увидит только отражение собственных качеств.

Я не жду, пока он скажет еще хоть слово. Задержав на нем свой взгляд, я говорю:

— Даже не думай меня преследовать.

После чего я убегаю.

Я бегу до тех пор, пока из легких не исчезает весь воздух.

Я больше не могу ничего чувствовать.

Пока безжизненное, пропитанное ядом лицо моего отца не прячется на задворках моего сознания.

Два месяца спустя

АСТРИД

Тысячи людей видели мое лицо, и все же никто не знает, как я выгляжу. Каждый смотрит на меня, но на самом деле не замечает. Такова участь зеркала. Кое-что люди замечают — они могут видеть, что я делаю, как сижу, где стою, но, как только поблизости никого не остается, я становлюсь безликой. Без каких-либо качеств. Кем-то, кого легко забыть. Рамой без картины. Только встретившийся со мной взглядом способен получить истинное впечатление обо мне. Момент зрительного контакта настолько силен, что формирует то, какой именно меня будут видеть впоследствии.

И все это зависит от моего быстро меняющегося настроения.

Я чувствую укол боли в сердце. Первый признак того, что легкая эйфория от настойки ис-

паряется. Спокойная жизнерадостность, которую я ощущаю, скоро перейдет в полнейшее бесчувствие. А затем превратится в апатию. После этого я останусь с... Даже думать об этом не хочу.

Я осматриваю кафе и обнаруживаю, что никто не смотрит в мою сторону. Не то чтобы это имеет хоть какое-то значение. Даже если меня поймают за чем-то непристойным, я легко смогу изменить его мнение, просто встретившись с ним взглядом. Прячась за стеной стоящего в углу столика, я достаю из кармана юбки пузырек. Одним движением запястья я кладу пипетку под язык. Одна капля. Две.

Я вздыхаю, поворачиваюсь лицом к остальной части заведения и помещаю в карман настойку. Боль отступает, сменяясь теплым успокаивающим чувством. Воспоминаниями о весенних вечерах и самых ярких оттенках акварели, растекающихся по бумаге, текстурой напоминающей облака.

Мои губы изгибаются в безмятежной улыбке, когда я осматриваю комнату. Завтрак подали час назад, но несколько посетителей все еще сидят за столиками, потягивая чай из фарфоровых чашек, сплетничая или наслаждаясь выпечкой. Окна, расположенные в дальнем конце комнаты, пропускают яркий утренний свет. К счастью, кафе охлаждается ледяными вентиляторами, которые работают от электричества, проходящего по наполненным магией лей-ли-